

НА ПИСЬМЕННОМ столе Николая Ильича Аладова стопка нотной бумаги. На верхнем листе надпись: опус 156. За этим рабочим обозначением очередного произведения — оперы и симфонии, увертюры, фантазии и сюиты, романсы, песни — более пяти-сот произведений, восьмидесятилетний жизненный путь, шестидесятилетний — творческий.

Сколько событий, радостных и не очень радостных, важных, запомнившихся на всю жизнь и безвозвратно канувших в Лету, прошло с того памятного дня, когда осенью 1913 года в «Русской музыкальной газете» была опубликована небольшая заметка о том, что в Петербурге в одном из концертов с большим успехом прозвучали романсы Н. Аладова на стихи А. Кольцова.

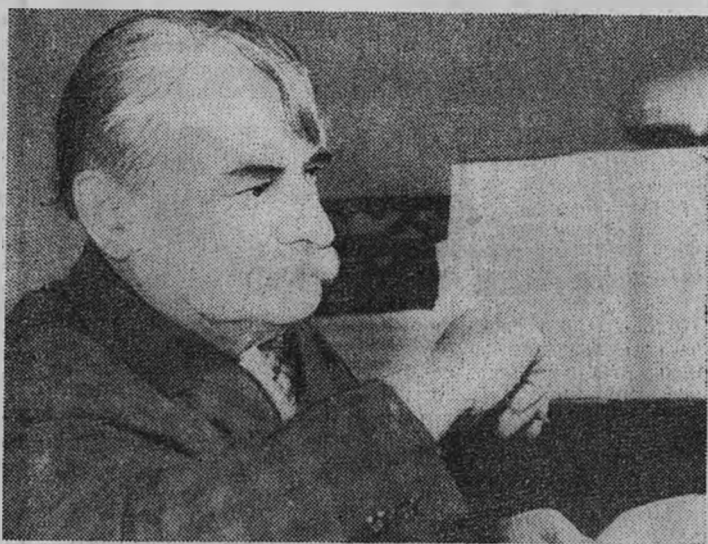
К тому времени Н. Аладов уже окончил (экстерном) композиторское отделение Петербургской консерватории по классу известного русского фольклориста и композитора Я. В. Прохорова, ученика Римского-Корсакова, был автором многих сочинений. Более семидесяти из них, в том числе и две оперы — сказку «Спящая царевна» и «Боярин Орша» по Лермонтову, уже тогда он отверг, начав творческое «летосчисление» с фортепьянной сонаты, написанной в 1910 году и удостоенной высокой оценки не только товарищей по «Обществу друзей музыки», в котором активно участвовал Н. Аладов, но и любимого, глубоко уважаемого учителя.

Обычно в биографиях известных композиторов, особенно в «детской» их части, есть события, факты, свидетельствующие о ранних проявлениях музыкальных способностей. Есть они и в воспоминаниях Н. Аладова о детстве. Будучи еще гимназистом, он, прячась от всех, пытался сочинять мелодии. Скрывать свое увлечение от родителей побуждала мальчика только застенчивость, а не какие-либо другие обстоятельства: в семье любили музыку и прививали эту любовь сыну — ходили с ним в оперный театр, на симфонические концерты. Но разносторонне сформировавшийся, отлично успевающий в гимназии, Н. Аладов мог так и остаться любителем, не повстречавшись на его жизненном пути Я. В. Прохорова, человек, о котором даже сегодня восьмидесятилетний маститый композитор, давший путевку в творческую жизнь не одному десятку музыкантов, говорит с необычайной теплотой и признательностью.

Первые годы после консерватории — всегда самые трудные для композитора. А у Н. Аладова они совпали со сложным периодом в общественно-политической и культурной жизни России. Но Н. Аладов будто и не коснулись волны модернизма, время от времени «накатывавшиеся» на русское искусство. Николай Ильич сразу нашел себя и в творчестве, и в общественной жизни, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, ко-

творческих дискуссий и обсуждений новых произведений в Союзе композиторов БССР.

В 1923 году, работая в Московском государственном институте музыкальных наук, Н. Аладов сделал несколько обработок белорусских народных песен, записанных Н. Я. Янчуком. Интерес его к белорусскому искусству все возрастает, и композитор год спустя приезжает жить и работать в Минск. С этого времени каждое его сочинение связано с Белорусси-

гда он с энтузиазмом, под стать его воле, занимается музыкально-пропагандистской работой — руководит самодеятельными хорами, обучает музыкальной грамоте их участников, выступает сам. И, несмотря на голод, тяжелые материальные условия, много сочиняет. Горючее желание писать музыку помогает ему преодолевать трудности. В Казани в 1921 году он создает, помимо других произведений, и свою Первую симфонию.

Каждого, кто обращается к творчеству Н. Аладова, поражают огромное количество произведений, созданных им в самых различных жанрах, необыкновенная творческая продуктивность. Тот, кто подумает, что композитор «быстр на руку», с легкостью осуществляет свои замыслы, удачлив, наконец — глубоко ошибется. Это не тот тип художника. Наоборот, исключительная организованность, воля позволяют Н. Аладову работать с такой творческой отдачей. Композитор откалывает себе во многом во имя творчества, но никто не вспомнит случая, чтобы Николай Ильич опоздал на занятия в консерватории или пропустил «музыкальную среду» — день

ей, и каждое значительное событие в жизни белорусского народа находит отражение в творчестве Н. Аладова.

Для разных по жанру, но глубоко связанных с белорусской народной песенностью произведений принесли композитору большой успех: квинтет (1925 год) — первое в Белоруссии камерно-инструментальное произведение и Вторая симфония (1930 год). Единство их обусловлено общим идейным замыслом: сопоставление прошлого и настоящего Белоруссии. В этих произведениях утверждаются мужественные, драматические образы. Но сколько в них мягкости, задушевности, свойственной народной музыке! Достаточно вспомнить вторую часть квинтета, основанную на чудесных народных песнях — «Як памерла матулька» и «Кольбельная».

Самобытность, а вернее сказать, оригинальность имеет внешние и внутренние приметы. Произведения Н. Аладова отличаются оригинальностью образов, драматургии, идеи, имеющая корни в своеобразном складе творческого мышления композитора, в его видении мира. И в то же время музыка показывает, какие огромные воз-

можности стилистического многообразия предоставляет композитору жизнь, если художник умеет правдиво раскрыть, обобщить свойственные ей черты.

Последующие десятилетия жизни Н. Аладова наполнены напряженной и плодотворной деятельностью. Стремительно обогащается мастерство, растет композиторская техника, ширятся масштабы творчества, углубляются художественные задачи, привлекающие внимание композитора. Одно за дру-

стремится как можно шире охватить круг «мирных» тем. Семь симфоний, созданных в послевоенный период, а также другие произведения для симфонического оркестра — сюита-фантазия № 3, увертюры «В светлый путь», «Звени, молодость», увертюра-баллада «9 мая» — своеобразная энциклопедия мыслей и чувств нашего современника. Это не только, так сказать, творческая оперативность, но и удивительная чуткость к окружающему, уме-

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ТРУД,

ВДОХНОВЕНИЕ

гим появляются крупные симфонические произведения: увертюра-фантазия «Заре навстречу», симфоническая поэма «Сильнее смерти», симфонietta, увертюра-фантазия «Про пограничника Лагodu», вокально-симфоническая поэма «Над ракой Арсай»; камерно-инструментальные ансамбли, романсы, песни, хоры.

У Аладова, пожалуй, нет своей, «излюбленной» темы. Он умеет каждый раз находить тему в окружающей действительности. Одним из первых советских композиторов откликнулся он своим творчеством на грозные события военных лет. Им были созданы самые различные по характеру и содержанию песни — от героических («Нам не быть под фашистской пятой»), балладных («Прабацьку Міню!») до остросатирических («Свинцовые галушки», «Кто быстрее?»). В годы войны композитором созданы также симфоническая поэма «Из дневника партизана», симфония-баллада «В суровые дни».

Для всех произведений советской музыки, написанных в военные годы или связанных с темой войны, характерно слияние авторского высказывания с миром чувств и мыслей изображаемых героев. Это качество сохраняется и в послевоенных произведениях Н. Аладова и особенно ярко и глубоко проявляется в симфоническом творчестве, которым композитор

не правдиво выразить большое, жизненно значительное содержание.

С особой настойчивостью, даже самоотверженностью работал Н. Аладов над оперой «Андрей Костеня». Высшим результатом этих трудов явилось монументальное, идейно насыщенное произведение, которому композитор отдал почти пятнадцать лет творческой жизни.

Н. Аладов — сложный композитор, да и музыка его не проста. Он не стремится сделать ее переводчиком — адаптером, упрощающим его видение окружающего. Но тем не менее его музыка имеет «свою» аудиторию, своих слушателей, любящих серьезное искусство, любящих творчество этого композитора. Значит, есть в ней то драгоценное, с чем, раз соприкоснувшись, чувствуешь себя лучше, умнее, духовно богаче.

На столе композитора нотный лист с пометкой: опус 156. Что это будет: опера, симфония или небольшая пьеса для учащихся детских музыкальных школ? Как всегда, Николай Ильич Аладов не склонен выдавать свои творческие секреты. Но что бы это ни было, ученики, коллеги по творчеству, любители музыки, как всегда, с нетерпением ждут нового произведения и желают Н. Аладову в день его восьмидесятилетия доброго здоровья. А вдохновение — оно всегда с ним.

Тамара ДУБКОВА.